

Виктория ГАБЫШЕВА

Карина 12 ДНЕЙ В ТАЙГЕ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Я БОЛЬШЕ НА ТЕБЯ НЕ СЕРЖУСЬ...

Виктория Габышева
Карина. 12 дней в тайге

«Айар»

2015

Габышева В. В.

Карина. 12 дней в тайге / В. В. Габышева — «Айар», 2015

ISBN 978-5-7696-4568-6

В начале августа 2014 года вся Якутия с тревогой следила за поисками маленькой девочки, затерявшейся в тайге. Надежды на счастливое завершение поисковых операций таяли с каждым днем. Сильно истощенную, но живую Карину Чикитову нашли на двенадцатые сутки. Это нельзя было назвать иначе, как чудом. Маленькая повесть – попытка осмыслить, что мог чувствовать маленький человек в неполные четыре года, оставшись один в тайге. Выжить девочке помогал верный друг – собака Найда...

ISBN 978-5-7696-4568-6

© Габышева В. В., 2015

© Айар, 2015

Содержание

от автора	5
День первый.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Габышева

Карина. 12 дней в тайге

от автора

История Карины Чикитовой взбудоражила всемирную сеть интернет. Многочисленные информагентства восклицали: «То, что четырехлетний ребенок выжил в одиночестве, без пищи, в предосеннем холоде якутской тайги двенадцать (!!!) дней, невозможно назвать иначе, чем чудом!»

...В далекой от цивилизации деревушке Олом, в трех более или менее пригодных для жилья домах доживают свой век восемь стариков. Районный центр – город Олекминск – находится в ста десяти километрах от Олома.

О чем-нибудь нездоровье или происшествиях не сообщешь – нет там ни телефонной связи, ни дорожного сообщения. Жилища заброшены, в поросших кустами дворах торчат покосившиеся коновязи, да темнеют ямины от провалившихся строений. А ведь когда-то Олом был большой деревней...

Никто, возможно, так и не узнал бы об едва теплящемся существовании селеньица, если бы не событие, взволновавшее весь мир.

Карина с мамой жила в селе Кяччи, посещала детский сад, а на лето ее увозили к прабабушке и прадедушке в Олом. Во вторник 29 июля 2014 года ничего не предвещало плохого. Мама была занята на сенокосе, старенькая бабушка уснула после обеда. Папа, живущий в ближайшем, хотя и не очень-то близком селе, собирался в этот день забрать дочку на несколько дней, но, едва встретившись с девочкой, уехал без нее – его срочно командировали тушить лесной пожар. В сопровождении щенка девочка вышла со двора и исчезла в неизвестном направлении...

Мама с дедом и бабушкой решили, что она уехала с отцом и собачку с собой взяла. Спихнулись поздно. О пропаже стало известно лишь на четвертые сутки, когда папа прибыл за Кариной после тушения пожара...

В поисках участвовали свыше ста человек, были задействованы спасатели, сотрудники МВД и волонтеры. Малышку искали с воздуха и на земле. На двенадцатые сутки девочку нашел волонтер Артем Борисов. Через некоторое время медаль за спасение ребенка ему вручили в армии перед строем.

О Карине пишут как о четырехлетней, но на момент нечаянного «странствия» ей еще не исполнилось и четырех лет. Девочке было три года и семь месяцев.

«Она просто физически не могла продержаться почти две недели в таких экстремальных условиях, – удивлялись спасатели, – ведь по ночам температура воздуха опускалась до одного минуса холода!»

Резиновые сапожки маленькой «путешественницы» утонули в болоте, курточка потерялась. Сложно представить, что испытывала она ночью в одних колготках и футболке, тогда как даже тепло одетые мужчины зябли в спальных мешках. К тому же отгрохотала сильнейшая гроза, после нее часто накрапывали дожди. Специалисты предполагают, что выжила Карина благодаря... своему «наивному» возрасту! Будь она старше, извела бы себя слезами и переживаниями.

Время стояло ягодное, однако брусника в тех местах не уродилась, поэтому основной пищей девочки стали кузнечики. Не библейские акриды, конечно, но все кузнечиковые богаты белком. Она выкапывала еще какие-то корешки, ела разные ягоды, травку, – словом, все, что

казалось съедобным. К счастью, воды было предостаточно: озера, ручейки, лужицы, да и шла в основном вдоль речки Бирюк.

Счастливому завершению непредвиденных приключений послужила совокупность обстоятельств, но большую роль в выживании Карины, несомненно, сыграл щенок. Друг по играм, он согревал ее в ночном холоде и был своеобразным «собеседником». Собака, к которой девочка относилась как к равному себе созданию, помогла ей сохранять присутствие духа.

По якутскому поверью человек до пяти лет наделен умением одушевлять окружающее и общаться с любым живым существом. Только ребенок, с его врожденным воображением, способен превозмочь одиночество без ущерба для разума и психики. Нельзя сбрасывать со счетов и личностные качества. Столь сильной воле и стремлению к жизни позавидовали бы многие взрослые. Невероятно, что такая кроха не падала к ночи на землю, где попало, в полном изнеможении, а заранее, до прихода темноты, рвала траву и, как могла, устраивала себе постель.

Спасатели обнаружили ребенка в удручающем состоянии, но в совершенно здоровом рас-судке. Увидев с вертолета медведя, они поспешили выписать лицензию на отстрел, но дикие звери девочку не тронули. Не обошлось, считают спасатели, без мистики – по пути следования им попалось древнее захоронение. Не духи ли оберегали дитя?..

...Маленькая, от горика два вершка, Карина сидит передо мной на скамейке, болтая ножками. Смеется, наблюдая за нашим «дворянином» Болтиком, когда он гоняется за собственным хвостом. Глаза серые с зеленицей, нос пуговкой, губы то складываются в улыбку, то уголки их печально опускаются вниз. Говорит на якутском языке очень чисто, без детской шепелявости и других «ффефектов» речи. Милая, как все дети, она на первый взгляд кажется совершенно обыкновенной, но я ловлю себя на мысли, что хочу обращаться к ней на «вы».

Мои сын и дочь стараются расположить ее к себе, но с гораздо большим удовольствием Карина возится с собакой и забирается с ней в дальний, тенистый угол двора. Мне остается в некотором отдалении следить за тем, как она играет с Болтиком, – довольно эмоционально, надо сказать. Жизнерадостно разговаривает с ним, хохочет, грозит пальчиком. Пес взволнован вниманием, слушает и даже будто «поддакивает», скуля и припадая на передние лапы.

Девочка подходит ко мне и, хмуря бровки, строго говорит:

– Собака голодна, разве ты не видишь? Иди, покорми.

Так и хочется отдать честь со словами: «Есть, товарищ командир!» Как велено, иду кормить Болтика, этого вечно голодного домашнего монстра.

Но вот пес наелся. Положил морду на лапы, постукивает хвостом и не сводит с Карины умильных глаз. Она сидит на скамье довольная, на лице удовлетворение и покой. Все сыты. Хорошо.

Несмотря на рекомендацию психолога не напоминать ребенку об одиночестве в тайге, решаюсь спросить:

– Что ты делала в лесу?

– Ну что... Жила. Понимаешь? Вот ты живешь – кушаешь, ходишь, спишь. Вот и я так жила в лесу.

– А что ела?

Карина задумывается, смотрит искоса, оценивающе. Взгляд какой-то недетский, – властный, даже не по себе. Наконец отводит глаза и говорит в сторону:

– Я не хочу об этом рассказывать.

– В лесу плохо?

– Нет. В нем не плохо. Ему самому плохо.

– Почему?

– Потому что там бывают пожары. Лес горит.

– Ты расскажешь мне, как жила в лесу каждый день?

– Нет, – улыбается она, качая ногой в крохотном сапожке. – Не расскажу. Пока нельзя. Знаешь такое слово – «нельзя»? – лукаво смотрит на меня. – Потом сама расскажу, если ты не будешь много спрашивать...

Талине, маме Карины, двадцать один год. Сама еще выглядит совсем девчонкой и кажется какой-то испуганной на фоне уверенной и спокойной дочери. Возможно, чувствует себя подавленной из-за массы негативных комментариев на форумах, где анонимы горячо ратуют за лишение Талины материнских прав. О том, что будет с ребенком в детском доме, праведники не слишком озабочены. Главное – потешить благочестивый гнев, наказать «такую-сякую» мамашу...

А мне она нравится. Пусть к излишней заботе побудила ее угроза потерять дочку уже в человеческом лесу, – теперь она глаз с нее не спускает. Но – никаких «мимими» и телячьих нежностей. Мама похвально сдержана в проявлении чувств и общается с Кариной как с человеком, близким по возрасту. Только глаза следуют за каждым движением девочки, да проявляется беспокойство ко времени часов режима питания, рекомендованного массажа, и обычная «мамина» тревога – уютно, удобно ли ребенку.

– Талина, у вас такое редкое имя. Откуда оно?

– Не очень редкое, если это не имя, а название растения. Тальник, лоза. Ветки у него гибкие, не ломаются, просто гнутся. Отпустишь – выпрямляются. Может, хотели, чтобы я выросла похожей на тальник.

– У Карины, кажется, не ваш характер... да?

– Наверное. И не отцовский. Может, достались какие-то черты по бабушкиной линии... Бабушка рассказывала, что в роду у нее была сильная удаганка.

– Вот как?..

– Ей приписывали способность разгонять и сгонять тучи, даже приглашали в другие наслега при большой засухе... В детстве эта родственница однажды ушла в лес. Поискали ее, не нашли и уже простились с ней, и вдруг она появилась как ни в чем не бывало.

Талина вздыхает, опускает виноватый взгляд.

– Я долго думала об этом... Вот и дочка не рассказывает мне, почему ушла, чем жила в лесу, хотя мы с ней близки. Можете не верить, но правда – очень близки... были. Первое время она сердилась на щенка. Говорила, что Найда ее бросила... Карине хочется домой, она соскучилась по родным, по собаке, ей надоело чужое внимание. Она от него страшно устала... и в чем-то разочаровалась.

...Разочарованием, конечно, и объяснялось событие, стоившее мне потери доверия, когда уже, казалось, ключ к сердцу девочки был подобран, когда она уже ходила за мной и весело рассказывала о своих важных детских делах. Увидев в моих руках фотоаппарат, Карина словно споткнулась. Слезы так и брызнули из глаз:

– Ты как все! – рыдала она, уткнувшись в колени растерявшейся мамы. – Ты меня обманула! Я думала, что ты – моя подруга, а тебе нужны были мои фотографии!

Короткая истерика быстро прекратилась, но Карина замкнулась. Уже не бегала, не щебетала и просидела остаток дня на стульчике перед телевизором, лишь изредка взглядывая исподлобья. Ну и характер!

Помирились мы только перед их отъездом. Обвив мою шею руками, она шепнула:

– Никогда меня не фотографируй!

– Не буду.

– Я больше на тебя не сержусь.

– А вспоминать будешь?

– Да.

Помахала на прощание. Личико осветилось неожиданно яркой улыбкой. Вокруг багряные листья боярышника, день не по-осеннему солнечный. Прекрасный получился бы снимок. Просто так, на память...

* * *

Эта маленькая повесть стала попыткой представить девочку в нетипичной для ребенка и вообще для современного человека среде – в слиянии с природой, проникнуть в ее мир, полный малопонятных взрослым тайн. Думаю, что читатели (особенно те, кто принял участие в спасении) найдут в повести некоторые несовпадения с фактическими событиями. Скажут, что не попадалась Карине на пути берлога, что со зверями она счастливо разминулась, что неправдоподобно и вообще...

Но кто может со стопроцентной уверенностью сказать: «Этого абсолютно точно не было»? Кто может знать достоверно, досконально, как прошла девочка путь, который взрослый бы не прошел без тяжелой душевной травмы, и что ей помогло?

Время в детстве движется медленно, каждый час в нем переживается гораздо насыщеннее и значительнее, чем в любом другом возрастном периоде. В одиночестве – в любом возрасте – еще дольше. Безысходнее. Отчаяннее. Страшнее... Человек не создан быть одиночкой, он – общественное существо.

Прочувствуйте на слух и в душе: две недели! Представьте: это не гипотетический ребенок – это вы, это вам три года и семь месяцев. Попробуйте вообразить себя, маленького, в эти одинокие, нечеловечески трудные двенадцать дней.

Рискую предположить: то, что получилось, – хоть и художественный, но не безусловный вымысел. Познакомившись с этим удивительным ребенком, пообщавшись с ним в течение нескольких дней, я что-то поняла и увидела. По крайней мере, смею на это надеяться...

День первый. Нет у людей крыльев

Новорожденное утро заглянуло в комнату, где, разметавшись на кровати, спала девочка. Солнечный луч, проникший между ситцевых занавесок, позолотил рассыпавшиеся по подушке волосы. Ресницы дрогнули, девочка чихнула и открыла затуманенные сном глаза. Обвела ими комнату, оглядев знакомые предметы, и вдруг увидела крылатого мальчика из сна. Мальчик – прыг! – на табуретку, – скоч! – на тумбочку... ой! Исчез!

Карина закрыла глаза и тут же очутилась на поляне. Где же скрылся ее новый знакомец? Да вот же он! Приземлился прямо на раскрытую ладонь, сложил за спиной стрекозьи крылья и сел, скрестив тонюсенькие ножки. А вокруг!.. Вокруг вспорхнули, трепеща позолотой прозрачных крыл, множество таких же человечков.

– Ты кто?!

– Разве не знаешь? – плутовато усмехнулся мальчик. – Я – цветочный дух.

– А они?

– Мои братья и сестры. Все мы лесные детки, духи трав и цветов. Хочешь быть нашим другом?

– Хочу!

– Тогда пошли!

– Куда?

– В лес, далеко! – махнул он невесомой ручкой.

– А как же мама? – засомневалась Карина. – Бабушка с дедушкой... и папа? Они будут плакать!

– Но ты же вернешься, и они обрадуются!

– Придется идти пешком, ножки устанут. Я не умею летать...

– Лети! – звонко крикнул мальчик, и за спиной у Карины что-то зашелестело. Она обернулась и не поверила глазам: позади расправлялись большие крылья! Они были шелковистые на ощупь, как полы маминого халата, и похожи на две половинки радуги, которая встает над лесом после дождя. В них можно было закутаться или раскинуть на ветру, словно плащ. Упругие, сильные и живые, они вздрагивали и рвались на свободу!

Несколько взмахов разноцветными крыльями... Красные резиновые сапожки соскользнули с ног и бесшумно упали вниз. Примятая трава расправила спинки, кусты и деревья протянули вверх гибкие ветки-руки: куда ты, Карина?! Ты же еще маленькая!

– Я большая! – крикнула она, – мне скоро четыре года!

Лесное эхо поддразнило, повторяя: «...года! Да! Да-а!»

Смеясь, девочка встала на самую верхнюю ветку лиственницы и вызвала мимолетный хвойный дождик. Оттолкнулась – эгей! – и плавно вплыла в белое облако, теплое, как парное молоко. Где-то далеко-далеко раздавались еле слышные голоса: «Ау, Карина! Ау!»

Солнечный луч снова пробежался по ресницам. Карина потеряла кулачком глаза и рывком села на кровати. А где крылья?.. Куда делись гладкие радужные полукружья? Пощупала лопатки – нету!

– Ау! – позвала летающего друга.

Никто не откликнулся. Открыв ладонь и зажмурив глаза, Карина посидела в надежде, что сон вернется. Чуть приотворила ресницы – в руке пусто...

На чистых крашеных половицах лежала солнечная клетка оконной рамы. Девочка сползла с кровати и свернулась калачиком на теплом квадрате. Если снова ненадолго уснуть и

схватить человечка... зажать в кулаке и не выпускать... можно ли вытянуть его из сна? Тогда бабушка поверила бы, что Карина ничего не придумывает!

– Оксе! Это кто тут у нас на полу, как щеночек, развалился? – Бабушка хмурит брови, а губы разъезжаются в улыбку. – Встала и сразу устала? Поднимайся, соня-засоня, завтрак на столе!

Девочка покрутила носом: как вкусно пахнет бабушкиной стряпней! Натянув колготки, футболку, поскакала на одной ножке к столу.

– А мыться? – бабушка придвинула табурет к умывальнику.

Вода была холодной. Карина для вида побренчала носиком умывальника и только побрызгала водичкой в лицо.

О-о, оладушки! Лежат на черной чугунной сковородке – золотистые, круглые. Солнечные такие оладушки! А в кружке теплое парное молоко... На что похоже? На облако из сна – вот на что!

Бабушка понюхала завитки на затылке, зевнула.

– Кушай, птичка моя, а я полежу пока, ладно? Посплю маленько. Что-то плохо ночью спалось.

– Ты, наверно, много снов видела?

– Да нет... Под утро уснула, а через два часа вставать, корову доить. Недоспала.

– Можно во дворе с Найдой поиграть?

– Поиграй. Только за калитку не выходите.

– А мама с дедушкой когда придут?

– Накосят сена и придут к вечеру.

– А папа?..

– Обещал, – бабушка вздохнула.

Карина запрыгала: папа! Папа!

Бабушка недолюбливает его. Наверное, потому, что папа с ними не живет. Она разговаривает с ним сурово, поджимает губы и совсем не улыбается. Но Карина все равно любит папу, очень-очень! На рамке его велосипеда устроена специальная сидушка, чтобы ее возить. Папа садит дочку на сидушку и увозит к другой бабушке в другое село, где все не такое, как здесь – вещи, животные, люди...

Иногда Карина с папой купаются в озере на песчаной стороне. Озерная вода теплая, зеленовато-желтая. Если присмотреться, можно увидеть, как сквозь песок на дне пробивается и танцует тонкая трава, вся в пузырьках, словно в прозрачных бусинках. А еще там плавает большой черный жук-плавунец. Поймать бы его и посадить в банку с водой! Потом, наглядеввшись, отпустить обратно...

Карина примерила бабушкины очки – два соединенных железными колесиками стеклянных кружка. Прямо как велосипед! Посмотришь в них – все расплывается. Удивительно: зачем только бабушка их надевает? Может, ей нравится видеть мир как сквозь толщу воды? Карина видела подводный мир... Однажды папа поплыл к середине озера, а ей захотелось достать белую кувшинку, сомкнувшую в кулачок лепестки. Что там внутри: самый большой пузырек-бусина? Или в кувшинке прячутся детишки черного жука, мелькающего у ног? Карина потянулась к цветку, оступилась, шагнула – и с макушкой ушла куда-то. Тогда и увидела мир под водой – зеленовато-желтый и мутноватый, как в бабушкиных очках. Карине понравилось это странное нездешнее пространство и, пусть в нем совсем не было воздуха, она готова была пробыть там дольше. Но вдруг ее резко выдернули из воды. Вода полилась из носа, изо рта – много, как из чайника, и в переносье больно защемило.

Папа очень сердился. Никогда так сильно не кричал на дочку. Смешной, так и не понял, что она совсем не испугалась... Ну, может, чуть-чуть. Они договорились никому не рассказы-

вать об этом. Карина честно хранила общий секрет, хотя очень хотелось рассказать бабушке о водяном мире и спросить, не видела ли бабушка его сквозь очки?

А вот и папа! Выскочила за ним на крыльцо в тапочках, а он стоит, мнетя, виновато отводит глаза:

– Прости, доча! Не могу тебя взять сегодня, на пожар уезжаю. Дня через три за тобой приеду. Лады?

– Ну, лады...

Печально, конечно, но не так чтобы очень. Ведь через три дня он за ней придет. Папа подхватил на руки, поцеловал и побежал к большой машине, которая ждала его за калиткой. Не хотела плакать, и все равно глазки защипало, надо бы как-нибудь отвлечься, а тут из головы не выходит утреннее видение. Непременно нужно найти маленьких людей с прозрачными крыльшками!

Прихватив последнюю оладушку, девочка накинула легкую куртку, сунула ноги в красные резиновые сапожки и выбежала из дома. На крыльце к Карине бросилась Найда – собачий ребенок. Щенок ластился, вилял хвостом и звал играть. Карина подбросила вверх угощение, Найда прыгнула – ам! – и нет оладушки, прыгнула еще раз и лизнула румяную щеку хозяйки.

– Не балуйся, – строго сказала Карина, вытирая ладонью щеку. – Мы должны найти человечков.

Найда вопросительно склонила голову набок и как будто что-то сообразила – весело помчалась за дом, к задней части двора.

Сразу за картофельным огородом, за изгородью из жердей начинается лес – большие белые березы и темно-зеленые сосны. Недавно после дождя бабушка с внучкой собирали здесь грибы с липкими желтыми шляпками.

– Бабушка сказала, чтобы мы за калитку не выходили, – вспомнила Карина. – Но мы ведь за нее и не выйдем, правда?

Пролезла под жердью и поспешила за собакой по тропе, залитой солнцем. Ноги пружинили на дорожке из прелой листвы и хвои, лес расступался, раскрывался с тихим шорохом, шелестом, пел шуршащую песню. О, сколько в нем тайн!

Карина бежала дальше и дальше, потом просто шла, вся – слух и внимание. Глаза в поисках крылатого мальчика успевали обшарить каждый кустик, сердце стучало в унисон – дятлу, где-то выстукивающему в дереве червячков. Найда унеслась вперед, издали доносился ее звонкий лай...

– Человечек, ау! – закричала Карина. – Выходи, я пришла к тебе!

Может, он под той густой зарослью тальника, похожей на взъерошенную голову великана? Или спрятался за старой березой?

Бедненькая старушка-береза согнулась в три погибели, кора у нее ободранная и сухая. Карина отколупнула – упал кусок. А под ним-то «народу»! Муравьи так и бросились врассыпную, рассыпались, как черный бисер. Карина для них настоящий великан!

– О-хо-хо, хо-хо-хо! У меня огромные руки, у меня огромные ноги! – растопырив пальцы, она грозно надвинулась на бисерный народец. – Что, испугались? Не бойтесь, муравьишки, я пошутила! Я – добрый великан!

Приладила кору обратно к дереву. Наверное, в трудолюбивом царстве под корою постепенно восстановится потревоженный порядок, а потом муравьиные бабушки будут рассказывать муравьиным деткам сказки про великанов...

Карина рассмеялась: далеко ей до великана! Она и в садике-то стоит одна из последних в ряду, когда дети выстраиваются на зарядку. Мама беспокоится, не слишком ли худенькая и низкорослая ее дочь... Делает зарубки на двери, чтобы посмотреть, сколько прибавила девочка этих... сан... сан-ти-метров на линейке. Карина утешает маму: «Я каждый день тренируюсь для сантиметров!» Это нетрудно, нужно только подпрыгнуть и суметь схватиться за высокую

крепкую ветку дерева. Ветка влечет вверх, а Карина тянется вниз. Вытягивает тело, чтобы росло. Хотя, если честно, не больно-то хочется ей быть большой. Большим людям необходимо много еды, питья и тепла. На крупном теле морозу разгуляться легче...

Ой! Это что – поляна из сна?! На краю поляны лужайка, покрытая белыми цветами. Вот оно, «сонное» облако, прилегло вздремнуть! Значит, и мальчик где-то здесь.

Сосновая шишка упала прямо на макушку. Не больно, но обидно. Кто кидается? Не человек ли? Карина долго вглядывалась в спутанные ветви. Ветер чуть-чуть шевелил длинную хвою, сквозь ветки лучилось солнце. Почти у самой кроны виднелась впадинка – похоже, беличье дупло. Кора на стволе рыжая и шершавая, много наростов, ветки тесно сплелись. Нетрудно будет ставить на них ноги, если попробовать взобраться, как по лесенке. Возле дупла широкая развилина, – можно посидеть и рассмотреть лес с высоты. Стоит рискнуть! Вдруг да человечки живут с белкой в дупле.

Скинула сапожки, без них легче лезть... Легче-то легче, да не так просто, как думалось! Хвоя сосны не сильно острая, с еловой не сравнить, но довольно неприятно колет ступни, и дерево высокое. Должно быть, за небо хваталось, подтягивало ствол, чтобы вырос длинным! Сколько ни смотри на дупло, оно все не приближается. Вернее, Карина к нему. Глянула вниз... ой! Все мелкие деревца, кусты уменьшились, красные сапожки стали размером с грибки! Как потом спуститься?

Найда, глупая, лает и бросается на дерево, ветки трясет. Под ногой хрустнул, треснул сучок, сейчас разломится... Недолго свалиться, голову расшибить! Ну их, человечков, раз видят, что Карина взбирается к ним с трудом, и не показываются! Негостеприимные... Села на толстый сук.

Уф-ф, надо передохнуть.

– Найда, хватит лаять!

Не слушается.

– Кому говорю! – бросила в собаку шишкой.

Видны ли отсюда крыши Олома и дом бабушки-бабушки? Забыла в какой стороне деревня, в той или этой? Повертела головой – нет нигде ни домов, ни дымка от уличной печки. Неужели никто не варит обед?

Ну и хорошо, что бабушка не углядит внучку. А то ведь сразу запрочитает, закричит: «Куда полезла! Ну-ка, слезай! Хочешь, чтобы у меня остановилось сердце?!»

Да, придется как-то слезать. Ветер подшутил над Кариной, нарочно сорвал давеча шишку и стрельнул по затылку. А она-то поверила, что человечки здесь живут. Успела даже представить, как у них дома, в дупле. Какие у них столики-стулья, кровати-постельки, и как они вывешивают на ветки одежду, чтобы дождь постирал...

Ногу сюда... вторую туда... крепче держаться за ветки... Лезть вниз гораздо страшнее, чем вверх. Когда же кончится эта долговязая сосна?! Кажется, целый день спускалась. Но вот, наконец, земля. Ура!

– Только тебя не хватало, Найда! Не прыгай на меня, я устала, упаду! Дай лучше сапожок.

Нет, прежде чем обуться, нужно очистить колготки от всех зацепившихся игл, а то станут занозами и не дадут ходить. Потом их не вытащить без бабушки...

Посидела, все-все иголки выдернула, обулась – много ли для отдыха надо? Побежала, раскинув руки крыльями, к «облаку», с размаху врзалась в пышный рой лепестков – а-а-ах! Какой чудный запах! Пахнет вкусным чаем, немножко дедушкиными папиросами и мамиными духами. А чем пахнет небо? Надо было хорошенько принюхаться там, наверху, чем пахнет, кроме сосновой живицы. Сейчас бы взлететь на крыльях вместе с цветами!

– Я не Карина! Я – птица!

Жаль, что крылья растут только во сне.

Почудилось или нет – лужайка начала вращаться, как середка мира. Так бабушка крутит ытык – мутовку, когда взбивает к,рчэх. Карина почувствовала себя лежащей в сердцевине огромной круглой миски. Закружилась, закужилась на лугу лицом в небо! Березы заволновались кронами, нагнулись и ласково смотрят зелеными глазами-листьями. Почти прозрачные верхние листья напоминают на свету зеленый мармелад. А внизу рядом с Кариной колышется прохладный узор застенчивых теней. Странные они, эти тени, – жмутся по углам и стесняются выйти на солнце. Будто в чем-то перед ним провинились.

Самолет прошил в синеве белую строчку. Наверное, самолет – небесная швейная машинка, а облака – вороха кружев, ленточек и белой ткани, – из такой шьют простыни и занавески для окон. Есть машинка и у бабушки. Иногда она позволяет Карине покрутить ручку, и ниточная строчка выбегает из-под острого машинного носа, как утренний луч из щели занавески...

– Найда! Ты меня напугала! Опять кидаешься с наскака?! Хорошо, что лежу, а то точно бы свалила с ног!

Бабушка твердит, что Карина болтушка. Это правда – в детском саду она самая бойкая на язык. Пока другие дети вспоминают слова, успевает сказать все, что они хотели, и даже больше.

Девочка поднялась, отряхнула одежду, но шенок тотчас набросился снова, и шалунихи – человечье дитя и собачье – весело закувыркались в траве. Найда, наконец, вскочила, ринулась вскачь, оглядываясь на Карину, словно предлагая пуститься наперегонки. С луга на поляну, с поляны на тропку – туда, где большие деревья рассыпают по земле сквозь хвою пригоршни солнечных зайчиков. Наступаешь на них, да не наступишь – перескакивают на сапожки. Ни один не оказывается под ногой! Карина вдоволь наигралась с проворными зайчатами.

Если смотреть вдаль, тропинка кажется веснушчатой, а вблизи пятнышки солнца совсем как желтые драже «ММдемс», покрытые хрустящей глазурью... Сглотнув слюнки, девочка поняла, что подошло время обеда. Спихватилась: бабушка, конечно, уже проснулась! А вдруг папа приехал? Ищут убежавшую дочку-внучку, кличут! Она прислушалась. Вроде бы тихо, никто не кричит. Она сама закричала:

– Бабушка, папа, я тут!

В ответ – ничего. Те же лесные звуки, разве что шмель прожужжал и скрылся под зонтиком толстой дудочной травы. Воздух отчего-то нахмурился и потемнел. А-а, понятно, почему шмелю понадобился зонт: краешек солнца начал заглатывать синий бегемот! И зайчата испугались – попрятались кто куда. Откуда только взялась эта туча, притворившаяся бегемотом? Карина видела такое животное на картинке...

Девочка приложила ладонь ко лбу козырьком. Бегемот глотал солнце не переставая. Глотал и глотал. Наверное, проголодался, как Карина. И вот уже лучи вырываются из пасти, как отблески отгорающего пламени. Чудовищная голова стала красной, затем багряной... все! Съел бегемот солнце, слопал, – ни лучика не осталось!

Тени осмелели, сделались гуще. Вышли из-под деревьев, взявшись за руки, – серые, страшные, и закачались. Ветер распахнул куртку на Карине, приготовился забраться в подмышки. Замерз ветер, но ведь и она замерзла! Пришлось запахнуть полы и застегнуть две пуговички: лети от меня, ветер, самой холодно! Он рассердился, взвыл и погнал в спину. Еще сильнее закачались тени – темные живые картинки, пляшущие на земле... Карина побежала, а порывы бессовестного ветра словно прутьями ее подгоняют – беги, девочка, беги!

– Найда, – всхлипнула она, – ты где?

На лоб капнула холодная слезинка дождя. Карина огляделась, а место – незнакомое. И собака исчезла...

– Найда, Найда, ау-уу!

Не исчезла, примчалась! Вместе с дождем. Розовая куртка мгновенно превратилась в красную и мокрую, а Найда – в худую облезлую собачонку.

Плакать не было смысла, все равно мокро на щеках и везде. Надо искать дорогу домой. Но где она, эта дорога, то есть тропинка? Спряталась от дождя, как шмель? Только что была здесь и пропала!

Карина шла наугад и думала о доме. Там сухо и тепло. Бабушка, может, пирожки постряпала. Мама с дедушкой пришли с сенокоса. В дождь сено не косят и не собирают граблями в копна. И папа, скорее всего, давно уехал. Поискал Карину, не нашел и пожал плечами: что делать, если дочка ушла...

Некому теперь пожалеть ее, погладить по голове, понюхать затылок. Не к кому прижаться к теплой груди. Ждут ли дома девочку, ушедшую в лес?

– Ждут, – кивнула Карина щенку. – Вот увидишь: придем, а они смотрят в окно. На столе пирожки – тоже нас с тобой ждут. Вкусные... Я вынесу тебе в будку один пирожок. Ну и пусть мама с бабушкой меня поругают. Правильно, нельзя маленьким девочкам и маленьким собакам так далеко уходить... Ой, мама! – Карина отпрыгнула от разлапистой коряги, из-под которой с шумом выпорхнула крупная пестрая птица.

Вспугнутая ею, девочка помчалась как могла быстро, оскальзываясь и оступаясь, пока не споткнулась. Упала на мягкий мох вниз лицом. Он пах грибами, был пористый и сырой. Найда приземлилась бок о бок, ткнулась мокрым носом в щеку, лизнула теплым языком. Что, лежать будем? Можно и полежать – дождь кончился! Уполз синий бегемот. Интересно: это другое солнце, или он то же самое выплюнул?

Сидя на моховой подушке, Карина попробовала рассмотреть новое солнце и не нашла в нем никакой разницы с первым. Так же слепит глаза, и снова солнечных зайцев рассыпало. Но почему-то больше не хочется с ними играть. Есть еще странность: раньше солнце было с одной стороны, а теперь как будто с другой. А-а... Понятно. Бегемот его из заднего места выпустил.

По небу плыли облака. Теперь они походили не на кружева и ленты, а на крчэх. Такой же розовый душистый крчэх бабушка взбивает из сливок с земляничным вареньем. Кто-то взбил розовые облака... значит, и на небе растет земляника.

Карина шла, шла... шла по какой-то почти лысой горе, глядя то вниз, чтобы не запнуться о валежник, то вверх. Наблюдала за солнцем. А оно наблюдало за ней, пересаживаясь для удобства с дерева на дерево. Заберется на острую верхушку, посидит-посидит и устроится внутри кроны, – тогда дерево полыхает красно-черным ветвистым огнем. Красиво и страшно, как пожар, который показывали по телевизору. Еще дома в Кяччи Карина слышала, что повсюду в лесу горят пожары. Тоже, должно быть, красиво... Но и в кроне солнцу не сидится, следует за Кариной и Найдой дальше...

Тени от деревьев стали длиннее. Стараются подобраться к ногам. А от Карининых ног тоже спускается тень вниз по горе. Длинная, худая и темная девочка-тень. Явно старше Карины, раз такая большая.

– Большая девочка, подскажи мне дорогу домой!

Не подсказала. Постояла и пошла дальше по редколесью, нога в ногу с младшей.

И Найдина длинная тень бежит впереди, высунув язык, пьет на ходу из луж. Карина остановилась и тоже попила из лужицы. Вода в ней чистая, потому что в ложбинке желтый песок. Не успела вода просочиться в землю. Бабушка обязательно погрозила бы пальцем, если б увидела. Но ее здесь нет. Нет мамы, нет дедушки... В лесу Карина одна из людей, а Найда – одна из собак. Обе они – одни. Тени «несчитовы». Тени – это картинки от людей и деревьев, нарисованные светом.

– Ого, Найда, гляди, какой муравейник!

Что будет, если разрыть его веткой? Муравьи засуетятся, понесут щепки и хвоинки, станут ремонтировать домик. Муравейник же их дом, они в нем живут.

– Я – добрый великан, забыли? – Карина вздохнула. – Вы просто не знаете. Вы – другие муравьи, не березкины.

Вспомнила, как соседский мальчик в папиной деревне учил добывать муравьиный сок. Надо найти чистую палочку, посплюнуть и положить на муравейник. Карина так и сделала. Стряхнула прилипших к палочке насекомых и попробовала. Вкусно! Только очень кисло.

– Найда, хочешь облизать? Найда-а! Зачем унесла палочку?! Глупая ты собака!

Они одни. Одни в лесу. Муравьи не считаются, как и тени, слишком маленькие насекомые. А лес помрачнел, наполнился незнакомыми звуками, сиплыми вздохами, словно чьим-то большим дыханием. Солнце поплыло на уровне стволов, деревья и кусты стали чаще. Недавно такие дружелюбные, закрывают лучи. Играет в прятки солнце... Порой между ветвями мерещится множество сверкающих глаз. Следят за Кариной и Найдой. Носки сапожек натываются на камни, ноги устали. Как бы не упасть в лужу. Кончился песок, и неизвестный путь грязен, идет вниз. Темень льется с неба на землю, как сажа по печной трубе в дождь. Солнце опустилось за гору, оставшуюся позади, подол горизонта едва розов...

Земляника! Ягодка переспелая, коричневая, в светлых семенах. Сладкая и водянистая, разбухла от дождя. Карина исползала траву кругом и не нашла больше ни одной.

Земляничное варенье бабушка хранит в подполье, в маленьких банках. В больших стоят соленые огурцы. Их вкусно есть с жареной картошкой. Грибы с картошкой тоже неплохо. Но лучше всего, конечно, оладьи в масле. И пусть бы бабушка не выкладывала на тарелку, а брать их вилкой, горячие, прямо со сковородки. Вчера Карина капризничала и не хотела есть лепешки с сахаром и молоком. Вот бы сюда сейчас вчерашние сладкие лепешки... Бабушка любит что-нибудь печь – калачики, печенье, рыбный пирог. Его Карина совсем не любит, но теперь полюбила бы. Даже рыбу перченую, пахнущую лавровым листом, съела бы без остатка. А если бабушке вздумалось бы сварить молочный суп... Да, и от него бы не отказалась. Хотя в садике отказывается.

Никто не предлагает в лесу ни рыбного пирога, ни молочного супа. Темнота, оказывается, дружит с холодом. Ноги в резиновых сапожках замерзли, и руки в карманах куртки озябли. Нос мокрый и холодный, как у щенка...

Хорошо цветам! Сжимают лепестки и закрываются сами в себе. Съежиться бы так же Карине. Но нет у людей ни лепестков... ни крыльев, чтобы полететь скорее домой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.